

Колин
Маккалоу

Colleen
McCullough

ANGEL PUSS

Колин Маккалоу

Милый ангел

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

M15

Серия «Поющие в терновнике»

Colleen McCullough
ANGEL PUSS

Перевод с английского У.В. Сапциной

Компьютерный дизайн В.А. Воронина

Печатается с разрешения литературных агентств

InkWell Management и Synopsis Literary Agency.

Маккалоу, Колин.

M15 Милый ангел : [роман] / Колин Маккалоу ; [пер. с англ. У.В. Сапциной]. – Москва : Издательство ACT, 2015. – 320 с. – (Поющие в терновнике).

ISBN 978-5-17-090083-1

Харриет Персэлл с детства мечтает о любви, страсти и о жизни, полной приключений. Ради этого она уходит от своего скучного бойфренда, бросает респектабельную семью и переезжает в район Сиднея, пользующийся дурной славой.

Теперь Харриет окружают совсем другие люди. Здесь у каждого свой секрет и каждый, похоже, обладает особым даром. Квартирная хозяйка Харриет, например, считает себя ясновидящей, а ее маленькую молчаливую дочку все почему-то называют ангелом, и, видимо, неспроста. И когда над девочкой внезапно нависает угроза, Харриет готова рискнуть всем ради, казалось бы, совершенно чужого ребенка...

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

© Colleen McCullough, 2004

© Перевод. У.В. Сапцина, 2005

ISBN 978-5-17-090083-1

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Посвящается дорогому другу Максу Ламберту

Пятница

1 января 1960 года

Как бы мне наконец отделаться от Дэвида? Не подумайте только, что вариант с убийством я не рассматривала: я сразу поняла, что это напрасный труд, как и покупка бикини на те пять фунтов, что бабуля подарила мне на Рождество.

— Отнеси-ка его обратно, дочка, и возвращайся домой с чем-нибудь поскромнее — не из двух предметов, да чтобы нижний этаж был понадежнее прикрыт, — распорядилась мама.

Сказать по правде, и меня ужаснуло собственное отражение: слишком уж многое бикини выставляло напоказ, из-под него торчали черные кустики волос, которые прежний скромный купальник надежно скрывал. Одной мысли о том, что эти миллионы волосков придется выщипывать, хватило мне, чтобы поскорее обменять бикини на купальник, как у Эстер Уильямс* моднущего цвета «американская красавица» — розового в красноватой дымке. Продавщица заверила, что в нем я выгляжу обольстительно, но, скажите на милость, кого и как мне обольщать, если несносный Дэвид Меркисон стережет меня, как пес сахарную косточку? А обольщать несносного Дэвида — много чести!

* Королева водных мюзиклов, самая дорогая «русалка» Голливуда. — Здесь и далее примеч. пер.

Сегодня температура поднялась выше сотни градусов, и я отправилась на пляж обновить купальник. Прибой был высокий — редкое явление для Бронте, но волны походили на зеленые атласные колбаски, которые у нас называют дамперами. Такие волны хороши для серфинга, но не для плавания. Я расстелила полотенце на песке, густо намазала нос цинковым кремом, натянула купальную шапочку под цвет купальника и побежала к воде.

— Прибой слишком силен, тебя унесет, — послышался голос за спиной.

Дэвид. Несносный Дэвид Меркисон. «Ну, пусть только попробует предложить поплескаться в детском лягушатнике», — подумала я и мысленно препоясала воображаемым мечом обтянутые скромным купальником чресла, готовясь к бою.

— Пойдем лучше в лягушатник, там безопаснее, — продолжал Дэвид.

— Вместе с малышней, под обстрел песчаных бомбочек? Ни за что! — отрезала я, и схватка началась. Нет, «схватка» не то слово. В запале я орала, а Дэвид не поддавался на провокации и сохранял выражение превосходства. Но в сегодняшней ссоре было применено новое оружие: я наконец-то додумалась известить Дэвида, что мне осточертело быть девственницей.

— Давай переспим! — потребовала я.

— Не дури, — невозмутимо отозвался он.

— Нет, это ты не смей делать из меня дурочку! Все мои знакомые уже давно с кем-нибудь переспали — все, кроме меня! Черт возьми, Дэвид, мне уже двадцать один, а я помолвлена с занудой, который даже целоваться по-настоящему не умеет!

Он снисходительно похлопал меня по плечу и сел на полотенце.

— Харриет, — начал он своим обычным спесивым и манерным тоном ученика католического колледжа, — нам пора назначить дату свадьбы. Я получил доктор-

скую степень, в ГОНПИ* мне предложили свою лабораторию и грант. Мы знакомы четыре года и год как помолвлены. Половая жизнь вне брака — грех. А в браке — нет.

Ох!

— Мама, я хочу разорвать помолвку с Дэвидом, — объявила я, едва вернувшись с пляжа, где так и не окропила морской водой новый купальник.

— Так и объясни ему, дорогая, — ответила она.

— А ты когда-нибудь пробовала втолковать Дэвиду Меркисону, что больше не хочешь за него замуж? — осведомилась я.

Мама усмехнулась:

— Ну что ты! Я ведь уже замужем.

Терпеть не могу все эти маминые шуточки на мой счет!

Но сдаваться я не собиралась:

— Знаешь, в чем беда? В том, что мне было всего шестнадцать, когда мы познакомились, семнадцать, когда начали встречаться, и в то время мне так нравилось выходить в люди с парнем, что я против него ничего не имела. Но какой же он... рассудительный! Я уже совершенолетняя, а он обращается со мной так же, как в мои семнадцать! Я чувствую себя мушкой, застывшей в янтаре!

Мама у меня понимающая, разводить мораль она не стала, но озабоченно нахмурилась.

— Харриет, не хочешь выходить за него — и не надо. Но поверь мне, дорогая: Дэвид — завидный жених. Симпатичен, хорошо сложен, с блестящим будущим. Вспомни, что стало с твоими подругами, особенно с Мерл. Все они связались с парнями, которым недоставало зрелости и благородства Дэвида, и поплатились за

* ГОНПИ (CSIRO) — Государственное объединение научных и прикладных исследований, самая крупная научно-исследовательская организация Австралии.

это. Ничего у них не вышло. А Дэвид будет твоей верной тенью, можешь не сомневаться.

— Знаю, — сквозь зубы процедила я. — Мерл мне все уши прожужжала о Дэвиде — прямо божок какой-то, просто я не понимаю, как мне повезло. А по мне, так он хуже прыща на заднице! Я встречаюсь с ним так долго, что другие парни на меня и смотреть не хотят, — да я же из-за него и мужчин толком не узнаю, черт возьми!

Но мама уже не слушала. Родители всегда были на стороне Дэвида, с самого начала. Будь у меня сестра или братья-сверстники... как же это трудно — быть чужой ошибкой! Гэвину и Питеру уже за тридцать, они все еще живут с нами, водят к себе женщин и трахаются с ними в нашем старом фургоне на непромокаемом матрасе, помогают папе продавать товары для спорта в нашем магазине, в свободное время играют в крикет — вот это жизнь! А я обитаю в одной комнате с бабулей, которая пишет в горшок и выливает его в траву на заднем дворе. Вонь стоит — хоть нос зажимай.

— Радуйся, Роджер, что не на соседское белье выплескиваю, — отвечает бабуля на все папины упреки.

А дневник — это удачная мысль! Хватит с меня чокнутых психиатров, теперь мне есть кому «излить досаду и подавленные чувства». Вести дневник мне посоветовала Мерл — подозреваю, ей страсть как хочется хоть одним глазком заглянуть в него, но шансов у нее никаких. Дневник я приспособилась прятать, прислонив к плинтусу под бабулиной кроватью. Поближе к горшку.

Сегодняшние желания: чтобы никаких дэвидов меркисонов в моей жизни. Никаких горшков. Никаких колбасок с карри. Собственная комната. И кольцо, подаренное в честь помолвки, — чтобы швырнуть его в лицо Дэвиду. Кольца он мне так и не подарил, сказал, что нечего попусту транжирить деньги. Жадина!

Суббота

2 января 1960 года

У меня есть работа! В прошлом году сразу после сдачи выпускных экзаменов в Сиднейском техническом колледже я подала заявление в рентгенологическое отделение Королевской больницы, претендуя на вакансию лаборанта, а сегодня почтальон принес известие, что меня приняли! С понедельника приступаю к работе в должности старшего лаборанта самой большой больницы Южного полушария — на тысячу с лишним коек! По сравнению с ней моя альма-матер, больница Райд, — утлая лодочонка рядом с лайнером «Куин Элизабет». Правда, сейчас, с высоты опыта, мне кажется, что напрасно я попросилась на стажировку в больницу Райд, но в то время, когда Дэвид предложил мне ее, охотно согласилась. Старший брат Дэвида, Нед, служит там ординатором, вот я и подумала, что хорошо иметь своего человека в стане врага. Ха! Он пас меня не хуже овчарки. Стоило только кому-нибудь из ребят взглянуть в мою сторону, чертов Нед Меркисон ясно давал ему понять: я девушка его брата, а чужое не трожь! Поначалу я не возражала, но, когда мало-помалу переросла подростковую неуверенность и застенчивость и стала задумываться, что с Иксом или Игреком было бы неплохо встретиться, такая опека начала меня здорово злить.

Впрочем, у стажировки в Райде имелся один плюс. До больницы приходилось добираться из Бронте два часа общественным транспортом, а готовиться к занятиям в автобусе — совсем не то, что в резиденции Перселлов, то есть у нас дома, когда ба-буля с мамой усаживаются перед телевизором, а мужчины целый вечер моют посуду и без умолку тарахтят про свой крикет. В гостиной — Клинт Уокер и Ефрем Цимбалист, в кухне — Кит Миллер и Дон

Брэдмен*, между гостиной и кухней — ни одной двери, а единственное пригодное для занятий место — обеденный стол. Нет уж, лучше автобус или электричка. И что бы вы думали? Я всем утерла нос! Сдала все экзамены на «отлично». Потому меня и взяли в Королевскую больницу. Когда стали известны результаты экзаменов, мама и папа опять попеняли мне: мол, напрасно я после окончания школы Рэндwick отказалась поступать в универ на естественно-научный или медицинский. Если уж на рентгенолога я выучилась, значит, амбиции у меня есть. Но кому он нужен, этот универ? Служить мишенью для насмешек всех этих самцов, которые не желают видеть женщин в своей профессии? Нет, это не для меня!

Понедельник

4 января 1960 года

Утром явилась на работу. К девяти. До Королевской больницы гораздо ближе, чем до Райда! Если последнюю милю с небольшим пройти пешком — всего-то двадцать минут езды на автобусе.

Резюме я посыпала почтой, поэтому в больнице никогда раньше не бывала, только проезжала мимо несколько раз, когда мы ездили к кому-нибудь в гости или торопились на пикник. Вот это больница! Целый город со своими магазинами, банками, почтой, подстанцией, прачечной, которая даже выполняет заказы отелей, мастерскими, складами — здесь найдется все

* Клинт Уокер — американский киноактер; Ефрем Цимбалист — русский эмигрант, выдающийся американский скрипач, композитор и дирижер; Кит Миллер — популярный американский киноактер; Дон Брэдмен — прославленный австралийский крикетист.

что угодно. Тот еще лабиринт! Минут пятнадцать нужно, чтобы быстрым шагом дойти от главных ворот до рентгенологии, а попутно ознакомиться со всеми архитектурными стилями, какие только появлялись в Сиднее за последние сто лет. Четырехугольные строения, веранды с колоннадами, постройки из песчаника и красного кирпича, уродливые современные здания со стеклянными фасадами — ну и жарища в них, на-верное!

Похоже, тут работает не меньше десяти тысяч человек. Сестры закутаны в столько накрахмаленных одеяжек, что напоминают хрустящие зеленовато-белые пакетики. Бедняжкам приходится носить толстые коричневые чулки и ботинки на шнурках и без каблуков! Даже Мэрилин Монро растеряла бы весь шарм в плотных чулках и на плоской подошве. Шапочки сестер смахивают на сидящих рядышком белых голубков, манжеты и воротнички целлULOидные, подолы доходят до середины икры. Старшие сестры выглядят, как все остальные — разве что не надевают передников, вместо шапочек носят развевающиеся косынки, похожие на головные уборы древних египтян, чулки на них нейлоновые, а ботинки — на квадратных пятисантиметровых каблуках.

Я с самого начала знала, что не выдержу всей этой армейской, бессмысленной дисциплины и муштры, — это все равно что терпеть насмешки парней из университета, ревниво оберегающих мужские заповедные места. Хорошо еще, нам, лаборантам, полагается носить белые халаты (длина — строго ниже колен), нейлоновые чулки и ботинки на плоской подошве, но без шнурков.

Здесь, должно быть, сотни «физиков» — физиотерапевтов. Терпеть не могу физиков. Ну скажите, что они умеют, кроме массажа? Зато гонору сколько! А эта их солидарность, показное рвение и снисходительность, будто все кругом рядовые, а они — офицеры и нет у них

другой заботы, кроме как скалить лошадиные зубы да цедить: «Салаги!» и «Класс!».

Мне повезло: из дома я вышла пораньше, в лабиринте ни разу не сбилась с дороги и явилась в кабинет старшей сестры Топпингем вовремя. Ох и фурия! Пэппи говорит, что ее все зовут сестрой Агатой, ну и я тоже буду — за глаза, конечно. На вид сестре Агате лет тысяча, когда-то она была просто сестрой в отделении и потому до сих пор носит накрахмаленную древнеегипетскую косынку. Вся она какая-то грушевидная — фигура грушей, нос грушей, даже акцент на вкус отдает грушей. Глаза у сестры Агаты блекло-голубые, как морозное утро, и смотрят на меня, как на мазок копоти на оконном стекле.

— Для начала, мисс Перселл, зайдитесь рентгенографией грудной клетки. Легкие — это просто, справитесь. На первом этапе все наши новые сотрудники выполняют элементарную работу. А потом посмотрим, на что еще вы способны, договорились? Вот и славно, вот и славно!

Тоже мне задача! Грудная клетка! Ставишь пациентов вплотную к вертикальной панели и строгим голосом велишь задержать дыхание. Оказалось, сестра Агата имела в виду амбулаторных больных — ходячих, с несерьезными диагнозами. Снимки легких делаем мы втроем: я и еще двое младших лаборантов. Только вот темных комнат катастрофически не хватает: фотокассеты приходится обрабатывать молниеносно, и стоит замешкаться дольше положенных девяти минут — в дверь уже ломятся.

Как ни странно, работают в лаборатории одни женщины. Аномалия какая-то! У рентгенологов приличная зарплата, достойная мужчин, потому они и рвутся в лаборатории толпами — в Райде, к примеру, захватили все рабочие места. А в Королевской больнице разница в том, что заправляет лабораторией сестра Агата, стало быть, не такое уж она чудовище, если берет на работу своих.

С моей ассистенткой я познакомилась в унылом закутке с туалетами и нашими шкафчиками. И она мне сразу понравилась — больше, чем все здешние лаборантки. Мои подопечные неплохие девчонки, но еще совсем зеленые — что с них возьмешь? А с ассистенткой Папеле Сутама так интересно! Редкое имя, и внешность у его хозяйки редкостная. Удивительный разрез глаз, я сразу так и поняла, что у нее есть примесь китайской крови. Именно китайской — у японок не бывает таких стройных и ровных ножек. Позднее выяснилось, что она и вправду китаянка. Хорошенькая — чудо! Розовые губки бантиком, скулы — умрешь от зависти, тонкие бровки. Все зовут ее Пэппи, это имя ей идет. Хрупкая, как статуэтка, ростом всего пять футов, тоненькая, но на жертву Освенцима не похожа — не то что все эти пациентки с нервной анорексией, которых направляют к нам на обследование психиатры. И чего ради девчонки морят себя голодом? Но вернемся к Пэппи. А кожа у нее — шелк цвета слоновой кости!

Оказалось, я Пэппи тоже понравилась, а когда она узнала, что я прихватила к обеду бутерброды из дома, то предложила съесть их на травке возле морга. От рентгенологии до морга рукой подать, но стоит он чуть в стороне, так что сестра Агата нас не выследит. Сама сестра Агата не обедает — никогда, надо охранять владения. Ясное дело, на целый час нас никто не отпускает, особенно по понедельникам, когда в обычный рабочий день приходится втискивать все дела, накопившиеся за выходные. Но нам с Пэппи и тридцати минут хватило, чтобы познакомиться поближе.

Первым делом она сказала, что живет в Кингс-Кроссе. Ух ты! Об этом районе Сиднея пapa отзыvается презрительно, а бабуля называет его вертепом. И скопищем пороков. Из пороков я знаю только пьянство и проституцию. И того, и другого в Кингс-Кроссе полным-полно, если верить преподобному Алану Уокеру. Он же методист, образец праведности. В Кингс-Кроссе